УДК 811.161.1'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-68-4-90-107

ЦЕННОСТНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ НАРЕЧИЯ *ПО-РОССИЙСКИ* В СВЕТЕ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА

Н. В. Макшанцева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается ценностный потенциал слов и выражений, воплощающих концептуальное поле русского. Цель нашего исследования — рассмотреть особенности коннотативно-оценочных приращений указанных слов и выражений в медийном дискурсе на примере наречия *по-российски*. Использована методика когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных. Материалом исследования являются словарные интерпретации наречия *по-российски*, представленные в толковых словарях русского языка, а также контексты употребления слова, извлеченные из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Объем исследованного корпусного материала — 230 контекстов, выбранных из 223 текстов. В языковой семантике наречия *по-российски* выделяется два смысловых пласта: представление о том, как принято в России как в государстве, и представление о том, как принято у русских. Оба смысловых пласта являются нейтральными, внеоценочными. При этом анализ корпусных данных позволил выявить у этого слова возникающую в медиадискурсе позитивную и негативную оценочность, имплицитную ближайшим и дальнейшим контекстным окружением. Показано, что контексты позитивно-оценочных употреблений связаны с положительно оцениваемыми говорящим явлениями в жизни страны или русского народа, которые он соотносит с представлением об их соответствии национальным идеалам и ценностям. В свою очередь установлено, что контексты негативно-оценочных употреблений обусловлены идеей, что в жизни страны и в жизни народа могут быть и явления, отклоняющиеся от нормы, неправильные, не соответствующие национальным ценностным приоритетам, представлениям говорящего о том, как должно быть. Делается вывод о значительных возможностях наречия *по-российски* служить маркером контекстуальной положительной и отрицательной оценочности, что позволяет получить важные сведения о том, какие именно типичные ценности и поведенческие установки носителей русского языка в области концептуализации представлений о России и о русских объективированы в их речевых практиках.

Ключевые слова: наречие *по-российски*; национальные ценности; контекстуальная оценочность; корпусный анализ; лингвистическая аксиология; русская речь.

Цитирование: Макшанцева Н. В. Ценностная маркированность наречия *по-российски* в свете корпусного анализа // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 4 (68). С. 90–107. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-68-4-90-107.

Value Markedness of the Adverb “*Po-Rossiyski*” (“the Russian Way”) through the Lens of Corpus Analysis

Natalia V. Makshantseva

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the value potential of words and expressions that embody the conceptual field of Russian. The purpose of our research is to consider the properties of connotative-evaluative increments of these words and expressions in media discourse using the example of the adverb “*po-rossiyski*” (“the Russian way,” where “Russian” means not the Russian ethnicity (“*russki*”) but belonging to the state of Russia). Using the methodology of cognitive-discursive analysis of corpus data, the author looked at dictionary interpretations of the adverb “*po-rossiyski*” (“the Russian way”), presented in Russian explanatory dictionaries, as well as contexts of the word’s usage extracted from the newspaper corpus as part of the Russian National Corpus. The volume of the analyzed corpus material is 230 contexts selected from 223 texts. In the language semantics of an adverb “*po-rossiyski*” (“the Russian way”), two semantic components are distinguished: the idea of how it is accepted in Russia as a state, and the idea of how it is accepted among Russians. Both semantic components are neutral, non-evaluative. At the same time, the analysis of corpus data made it possible to identify positive and negative evaluations of this word that arise in media discourse, implied by the immediate and further contextual environment. It is shown that the contexts of positive evaluative usage are associated with the phenomena in the life of the country or the Russian people which the speaker evaluates as positive because they correlate with national ideals and values. In turn, it has been established that the contexts of negative evaluative uses are determined by the idea that in the life of the country and in the life of the people there may be phenomena that deviate from the norm, are incorrect, or do not correspond to national value priorities or ideas about how things should be, from the speaker’s point of view. The author concludes that the adverb “*po-rossiyski*” (“the Russian way”) has significant potential to serve as a marker of contextual positive and negative evaluation, which allows us to obtain important information about which values and behavioral attitudes of Russian native speakers in terms of conceptualization of ideas about Russia and about Russians are objectified in their speech practices.

Key words: adverb “*po-rossiyski*” (“in Russian”); national values; contextual evaluativeness; corpus analysis; linguistic axiology; Russian speech.

Citation: Makshantseva, Natalia V. (2024) Value Markedness of the Adverb “*Po-Rossiyski*” (“the Russian Way”) through the Lens of Corpus Analysis. *LUNN Bulletin*, 4 (68), 90–107. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-68-4-90-107.

1. Введение

В статье продолжается исследование ценностной составляющей ключевых концептов русской национальной культуры (Макшанцева 2008, 2023). Изучение языкового выражения ценностей является одной из приоритетных областей в современной научной парадигме лингвокультурологии (Ковшова 2023), или, в терминологии зарубежной гуманитаристики, *cultural linguistics* (Sharifian

2017; Peeters 2019). Языковая оценочность как один из важнейших способов воплощения ценностей в языке вышла на первый план в научном освоении проблематики «язык и культура» в первую очередь благодаря фундаментальным исследованиям Н. Д. Арутюновой (Арутюнова 1999). Сегодня важность этого подхода находит свое выражение в собственном терминологическом обозначении всех изысканий в данном направлении, которые объединяются под названием *лингвистическая аксиология (лингвоаксиология)*, или *аксиологическая лингвистика* (Карасик 2019).

В рамках сформулированной выше общей проблематики в центре настоящего исследования находится ценностный потенциал слов и выражений, воплощающих концептуальное поле русского. Изучение данной тематической области имеет давнюю традицию в гуманитарном знании. Философская, историческая и этнологическая репрезентация категории русского отражена, например, в монографии «Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность» (Сергеева 2023), в статье «Русские: характер, ментальность, стереотипы поведения» (Костина, Егорычев, Ригер 2013). Среди значимых лингвистических работ в этом ряду следует прежде всего назвать известный словарь Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры», в котором выделяется четыре тематических области понятия «русский», «Русь»: этнографическое, социальное, географическое и политическое понимание (Степанов 1997). Обстоятельный комплексный — лингвофилософский, лингвокультурологический и историко-лингвистический — анализ разных аспектов «русскости» в национальной ментальности осуществлен В. В. Колесовым (Колесов 2006).

Многие исследователи справедливо указывают на то, что представления говорящего о своей национальной принадлежности по определению ценностно нагружены, выражают совокупность идеалов и приоритетов «русского мира» (Березович 2014; Глебова 2017). Так, признак *русский* в языковом сознании этноса, как указывает Е. Л. Березович, оценивается как ценностная доминанта, как что-то значимое, важное, правильное, хорошее (Березович 2011). В свою очередь Н. Г. Глебова пишет: «Существительное *русский*, прилагательное *русский* и производные слова на базе *русский*, помимо своего прямого номинативного значения, используются для выражения идеологических и ценностных приоритетов говорящего, моральных и политических взглядов и предпочтений, употребляясь в разных типах дискурса (прежде всего в рекламном, медийном и политическом) в целях речевого воздействия и даже манипуляции» (Глебова 2017: 27).

Все это позволяет нам обосновать цель нашего исследования — рассмотреть на примере наречия *по-российски* особенности коннотативно-оценочных приращений слов и выражений, воплощающих концептуальное поле русского,

в медийном дискурсе как дискурсе наиболее активном и значимом в плане формирования и выражения разного рода ценностей в социокультурном пространстве.

2. Характеристика материала и методов исследования

Особенности предлагаемого нами исследовательского инструментария состоят в том, что постулируемая в работе ценностная маркированность многих слов и выражений, репрезентирующих концептуальное поле русского, в том числе и интересующего нас наречия *по-российски*, не отражена в системно-языковых лексических значениях и, соответственно, как правило, не фиксируется в словарях. Это оценочность наведенного типа, имплицитруемая в контекстном окружении (Макшанцева 2023). Она выявляется в текстовой реализации, в контекстах употребления слова, в прагматике дискурса, материал для чего, в свою очередь, представлен в большом массиве корпусных данных.

Это обстоятельство требует особой исследовательской процедуры, которая в настоящей работе основывается на методах когнитивно ориентированного лингвокультурологического описания ключевых слов национальной культуры (Sharifian 2011; Карасик 2019; Morphy, Morphy 2020), принципах коммуникативно-прагматического анализа дискурса (Noveck 2018; Русский язык... 2021) и методике когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных (Чернявская 2018; Радбиль 2020).

В соответствии с принятой процедурой исследования на предварительной стадии анализируются лексикографические толкования исследуемых слов и выражений. Затем полученные результаты верифицируются и уточняются посредством исследования корпусных данных. Таким образом, материалом исследования являются словарные интерпретации наречия *по-российски*, представленные в толковых словарях русского языка (БАС-VIII 1959; СЕ-II 2000), а также контексты употребления слова *по-российски*, извлеченные из газетного корпуса (Центральные СМИ) в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Объем исследованного корпусного материала — 230 контекстов, выбранных из 223 текстов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Лексема *по-российски* слабо представлена в русских лексикографических источниках. Она отсутствует в словаре В. И. Даля, в МАС, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова; в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой лексема приводится без толкования в составе словарной статьи *российский* как производное наречие. В БАС имеется следующее толкование: ‘То же, что по-русски; на русский лад. — *Тэк-ссс... Хочется сказать,*

а боюсь... неловко... Вам скажешь спроста по-российски, а вы сейчас: невежа! мужик! Чехов, Комик' (БАС-VIII 1959: 742). Отметим в этом толковании важное в целях нашего исследования смысловое сближение идеи российского и русского, которое еще в большей степени очевидно в лексикографическом описании наречия *по-российски* в словаре Т. Ф. Ефремовой: 'Как принято у русских и жителей России, на их лад, по их обычаю' (СЕ-II 2000: 643).

Думается, что толкование, предложенное в словаре Т. Ф. Ефремовой, более точно и более объемно отражает семантику интересующего нас наречия. В этом толковании выделяется два взаимосвязанных смысловых пласта. Во-первых, наречие *по-российски* реферирует к представлению о российской государственности (*←российский*) — характеризует явления политического устройства, в том числе межгосударственные отношения, экономической и социальной жизни, работу высших органов власти, чиновников, сферу коммерции, бизнеса и финансов, здравоохранение, образование, культуру и искусство, спорт и пр. Во-вторых, наречие *по-российски* реферирует к разным аспектам представления о русском народе (*←русский*) — о природе, климате и территории его обитания, о психологических особенностях, национальном характере и ментальности, об истории, традициях и обычаях, о духовных, нравственных и эстетических идеалах и ценностях, о поведенческих стереотипах и установках, о русском языке, искусстве, литературе, фольклоре и пр. Как будет показано далее, оба этих смысловых пласта стабильно реализуются и в речевой практике носителей русского языка, в частности в медийном дискурсе.

3.1. Контексты нейтрального (внеоценочного) употребления

Как видно из анализа лексикографических данных, на этом уровне наречие *по-российски* не имеет какой-либо оценочности. Представления о том, как принято в России или у русских, отражены в нейтральном регистре, с нулевой оценочностью. Это подтверждается и достаточно большим массивом примеров из корпуса.

Первая группа контекстов употребления в обследованном материале выражает характеристики явлений, признаков, свойств, состояний, действий, связанных с разными сторонами России как государственного образования.

Это могут быть особенности:

– политического устройства страны: (1) *У России самобытный путь развития — а значит, и демократия должна быть устроена по-российски, с учетом особенностей страны, считает он* (РБК Daily, 12.07.2006); (2) *Один из идеологов либерализма по-российски, Ярослав Кузьминов, ректор НИУ ВШЭ, обозначил конкретные меры, которые, по его мнению, необходимо реализовать, чтобы выйти из кризиса: повысить пенсионный возраст; запретить получать пенсию работающим пенсионерам; субсидировать из бюджета*

транспортную систему и сельское хозяйство (Парламентская газета, 2016.06.21);

– правоприменительной области: (3) **Госзащита по-российски** включает в себя различные меры безопасности. Самыми востребованными из них являются личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности (Парламентская газета, 2017.01.20); (4) **Массовые беспорядки по-американски и по-российски**. События последних дней в США и выглядят, и воспринимаются из России весьма специфически. Наблюдатели, имеющие различные взгляды на внутрироссийские проблемы, противоположным образом трактуют одни и те же ситуации (Ведомости, 2020.06.02);

– экономической ситуации: (5) **Кризис по-российски** это не столько безработица (хотя и ее признаки отмечают в 1,25 раза чаще), сколько урезание зарплаты и задержки с ее выплатой — частоту этих кризисных проявлений отмечают в 2 раза чаще (среди рабочих отмечают задержки 15 % и сокращение зарплаты — 18 %) (Ведомости, 2016.03.13);

– бизнеса и предпринимательства: (6) То, что делает «Русгидро», можно назвать **«интеграцией персонала по-российски»**, закон не предусматривает преобразования «дочки» в дивизион материнской компании, говорит партнер Orient Partners Александр Карпунин (Ведомости, 2016.10.26);

– социальной жизни: (7) **Благотворительность по-российски** кардинально отличается от принятых в мире моделей филантропии. Деньги корпораций в США и Европе — это менее 10 % общего объема благотворительных средств, остальное — деньги частных доноров. У нас же все наоборот. Россияне жертвуют личные деньги неохотно (Ведомости, 2011.08.05); (8) В планах — создание единого центра, в который войдут спасатели и врачи — служба **«911» по-российски** (Vesti.ru, 28.06.2008);

– быта: (9) Расцвет клининга у нас пришелся на конец девяностых — начало нулевых, когда в крупных городах, как грибы после дождя, стали появляться бизнес-центры и торгово-развлекательные комплексы. Особенности **уборки по-российски** — длинная зима и обильные осадки, с последствиями которых у нас борются химическими реагентами (Известия, 28.07.2015); (10) Отдельного описания достойны способы **утилизации мусора «по-российски»**. Существует три способа обращения с твердыми бытовыми отходами (ТБО): захоронение на полигонах, сжигание и переработка (рециклинг). У нас наиболее часто применяется именно захоронение и сжигание (Известия, 16.11.2012).

Вторая группа контекстов в обследованном материале выражает характеристики явлений, признаков, свойств, состояний, действий, связанных с разными сторонами русского народа, русских людей, например мировоззренческих представлений и ментальности народа (в том числе в ироническом употребле-

нии): (11) *Патриотизм же по-российски в том же 2006 году будет стоить 77 млн., но рублей* (Известия, 24.12.2007).

В некоторых примерах посредством наречия *по-российски* дается характеристика:

– типичным условиям жизни и работы в России: (12) *Впрочем, Плетнев — человек несуетный, и, похоже, ему даже нравится после всевозможных Карнеги-холлов поработать в таких вот по-российски незамысловатых условиях, как говорится, поближе к народу* (Труд-7, 11.11.2005);

– типичным ощущениям среднего жителя России: (13) *Народ еще готов ко всяким большим ужасам и мелким неприятностям, но уже позволяет себе некое умиротворение, с ленивым любопытством реагируя на ураганы, революции и погромы в далеких странах. Поэтому амплитуда народных чувств в этом году оказалась сглаженной и даже полусонной. Но по-российски загадочной* (Комсомольская правда, 23.12.2005);

– типичным ритмам осуществления любой деятельности в России: (14) *И вообще, крепко озвученный солистами в оригинале (перевод на русский на электронном табло), полный энергии, стремительных кабалет и прочего набора истинной итальянской оперы, «Набукко» в Казани вышел по-российски неспешным* (Известия, 21.05.2003);

– типичной для России цветовой гамме: (15) *Даже в его зарубежных сюжетах краски не расцветают разноцветьем рекламы, тона по-российски приглушены* (Независимая газета, 02.06.2000);

– типичным привычкам относиться к вещам: (16) *Ощущение нереальности усиливала вышитая холстинка, накрывавшая деревенский товар совсем уж по-российски* (Известия, 03.09.2001).

В некоторых случаях нейтрального (внеоценочного) употребления наречия *по-российски* демонстрирует неузвальное расширение сочетаемости: (17) *Впрочем, одна из участниц форума по-российски заметила: «Быть женщиной чудесно! Никакого гендерного равенства нет. И не надо!»* (Коммерсант, 17.03.2020). В этом примере интерес представляет то обстоятельство, что формально наречие *по-российски* относится к глаголу речи *заметила*, а содержательно оно реферирует к семантике высказывания, которая отражает национальный гендерный стереотип. При этом *по-российски* относится к позиции автора медиатекста, который таким образом характеризует прямую речь участницы форума. Явления подобного рода принято расценивать как реализацию манипулятивной речевой стратегии *de re*, при которой чужое высказывание переинтерпретируется или переформулируется в интересах самого говорящего (Булыгина, Шмелев 1997: 472–474).

Последняя группа примеров, реферируя к сфере мировоззренческих установок и национального характера, в силу этого имеет определенный ценностный потенциал, который в полной мере реализуется в других группах примеров.

3.2. Контексты употребления, имплицитующие положительную оценочность

Как уже говорилось выше, словарные толкования наречия *по-российски* не имеют никакой оценочности. Но само содержание толкования, связанное с тем, как принято, как бывает у русских и в России, уже в силу этого по определению может имплицитировать положительную оценку. По мнению Е. Л. Березович, принадлежность к сфере русского как ощущение национальной идентичности означает для носителя языка норму, сферу должного, правильного, т. е. нормальное, привычное положение вещей, состояние мира и человека (Березович 2014: 119).

Это обстоятельство обуславливает при употреблении в речи слова *по-росийски* возможность возникновения положительно-оценочной инференции — нестрогого умозаключения, т. е. информации, которую адресат сообщения должен, по замыслу говорящего, самостоятельно логически вывести по умолчанию из того, что сказано, опираясь на контекст, ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире, а также на постулаты общения (неявные конвенции, принятые по умолчанию в любом социуме при использовании речевой коммуникации). В этих случаях нетривиальный новый смысл формируется, согласно определению Н. Н. Болдырева, именно «за счет имплицитного обращения к **другому концепту** (*выделено нами.* — Н. М.), т. е. на основе выводного, дополнительного знания» (Болдырев 2014: 102). Общая модель положительно-оценочной инференции для наречия *по-росийски* выглядит примерно следующим образом: ‘по-росийски X’ → ‘хорошо, что X’ (= ‘и это хорошо, правильно, желательно, целесообразно, с точки зрения говорящего’).

Позитивная оценочность для наречия *по-росийски*, имплицитруемая ближайшим или дальнейшим контекстным окружением, также проявляется в двух классах употреблений: позитивная оценка чего-либо, связанного с Россией как со страной, с государством, и позитивная оценка чего-либо, связанного с русским народом, с русской землей, природой, ментальностью, национальным характером и пр.

Первая группа употреблений отражает позитивную оценку автором медиатекста действий власти, идеологии, социально-экономических процессов: (18) *Дискуссии на площадках «Гуманитарного Сколково» должны определить точки роста российской модернизации. <...> Цель проекта «Гуманитарного Сколково» — увидеть модернизацию по-росийски, понять и принять смысл*

этого проекта, определить традиции, на которые следует опереться, и практики, которые надо изживать (Ведомости, 2010.08.27).

Как уже было сказано ранее, для возникновения имплицитной позитивной оценочности необходимы особые контекстные условия. В частности, позитивно-оценочной импликации для наречия *по-российски* способствует позиция несогласованного определения при существительном, эксплицитно выражающем положительную оценочность: (19) *Алексей Левинсон о благополучии по-российски. Итоги 12-летних наблюдений за тем, как менялось благосостояние граждан, привели к неожиданному выводу: сначала челноки, а потом бюрократия спасали Россию* (Коммерсант, 18.02.2013).

Часто подобные контексты встречаются при описании событий в области культуры и искусства, например: (20) *Ну а к услугам любителей красоты по-российски — всевозможные масштабные шоу с участием знаменитостей* (Труд-7, 15.09.2007).

Однако следует заметить, что позитивная оценочность в таких контекстах реализуется лишь в случае, если дальнейший, расшифровывающий контекст не содержит противоречия с эксплицитной позитивной оценкой в сочетании со словом *по-российски*. В противном случае мы имеем дело со стилистической фигурой иронии, которая, напротив, имплицитно оценивает отрицательную (подробнее подобные случаи описаны в разделе 3.3).

Позитивная оценочность может быть имплицитно оценена и дальнейшим контекстным окружением, например посредством стилистической фигуры градации, организованной посредством ряда однородных членов с выражениями, которые содержат эксплицитную положительную оценку: (21) *Технологичная по-западному экономика, четкая по-российски идеология и сильная по-российски власть, демократичные по-западному порядки, укрепление по-российски традиций и культуры* (Комсомольская правда, 06.04.2005).

Часто позитивная оценка наводится из расширенного контекста в целом, посредством наличия ключевых слов — маркеров позитивной оценочности, которые находятся в расшифровывающем фрагменте всего высказывания: (22) *Тем более, что вполне по-российски прагматичный стиль общения с Ашхабадом с готовностью стали исповедовать все другие заинтересованные стороны, круг которых на глазах расширяется* (РИА Новости, 24.04.2007); (23) *Они творят большое светское шоу по-российски, и такую задачу решают вполне квалифицированно. В русле понятий и правил игры, принятой в России* (Известия, 03.06.2012).

Отметим, что все рассмотренные случаи контекстной реализации позитивной оценочности отражают точку зрения авторов медиатекста, которая

вполне может не совпадать с общепринятой позитивной оценочностью подобных явлений в языковом сознании социума.

Во второй группе употреблений наречия *по-российски* имплицитно положительная оценочность чего-либо, связанного с русским народом, например с его ментальностью и национальным характером: (24) *Это вполне по-российски: создать самим себе трудности, а затем героически их преодолеть* (Аргументы и факты, 2002.09.25); (25) *Уж слишком мир наш взаимосвязан и взаимозависим! Говоря по-нашему, по-российски, делиться надо!* (Независимая газета, 16.05.2000); (26) *Свобода по-российски — жить «по душе», быть самому себе хозяином* (Независимая газета (приложение «НГ-Сценарии»), 11.11.1998).

В некоторых случаях посредством наречия *по-российски* ценностно маркируется в позитивном регистре приверженность национальным традициям и обычаям: (27) *Меня возмущает, что идет повсеместное насаждение чуждой нам западной культуры. Мы должны встречать Новый год по-российски, с дедом-морозом* (Комсомольская правда, 14.12.2006).

Иногда положительно-оценочная информация подобного рода имплицитно маркируется в зоне инференции: (28) *На выставке есть и европейские нововведения, которые обходятся вообще без ёлок. Законодатели ёлочной моды из Германии предлагают, например, украшать не ёлочки, а манекены. Понятно, что на вкус да на цвет товарищей не напасешься, но безголовый, безрукий и безногий черный торс, увешанный гирляндами шаров, приятных сновидений не сулит. Нет уж, мы лучше по старинке, по-российски, по-нижегородски!* (Парламентская газета, 2014.11.09). Здесь в зоне инференции добавляется информация: ‘по старинке, по-российски’ → ‘с ёлкой’, что оценивается говорящим безусловно положительно.

Интересны случаи, когда посредством слова *по-российски* маркируются положительно оцениваемые стереотипные представления о свойствах, характеристиках русского человека с позиции самих русских — так называемые автостереотипы (Костина, Егорычев, Ригер 2013; Сергеева 2023). Так, например, положительно оцениваются авторами медиатекстов такие свойства, как:

– лихость: (29) *И вскоре по-российски лихо эти умы предложили решить проблему одним ударом, но зато смертельным* (Независимая газета, 04.05.2000);

– жесткость: (30) *По словам Малафеева, о своем запрете Спаллетти сообщил ему «по-итальянски эмоционально и по-российски жестко»* (Lenta.ru, 20.12.2011); (31) *Жестко, по-российски, но они уже понимают, что такое деньги, как работать с поставщиками и т. д.* (Известия, 13.11.2001);

– мудрость: (32) *План прост и по-российски мудр: губернаторам предложено согласиться с введением оборота сельхозземель в обмен на право участвовать в регулировании этого процесса* (Ведомости, 2002.04.23);

– бесхитрость: (33) *Имеется история и про конфискованные на таможене иномарки. Такая по-российски бесхитростная. За последние 3 года на Московской западной таможене «потеряли» 279 дел, заведенных на легковые автомобили* (Аргументы и факты, 2001.03.14).

Обращают на себя внимание примеры, когда поведенческий автостереотип русских переносится по модели сравнения на другие народы, которым приписываются свойства «русской души»: (34) *С другой стороны, албанцы — народ по-российски терпеливый* (Независимая газета, 22.01.1997). В подобных случаях мы имеем дело с уже упомянутой манипулятивной стратегией *de re*, когда описываемая ситуация вместо объективного изложения произвольным образом переинтерпретируется с позиции говорящего, в его интересах (Булыгина, Шмелев 1997: 472–474).

Последняя группа случаев интересна тем, что посредством дискурсной реализации наречия *по-российски* мы можем судить о том, какие именно свойства и качества положительно оцениваются носителями русского языка в лице авторов медиатекстов в наше время. Именно в этом плане мы и рассматриваем наречие *по-российски* как ценностный маркер.

3.3. Контексты употребления, имплицитующие отрицательную оценочность

Значительный интерес в нашем материале представляют случаи негативной оценочности слова *по-российски*, имплицитруемой ближайшим или дальнейшим контекстным окружением. Возможность негативной оценки связана с идеей, что в жизни страны и в жизни народа могут быть и явления, отклоняющиеся от нормы, неправильные, не соответствующие национальным идеалам, представлениям о том, как должно быть.

Это обстоятельство обуславливает при употреблении в речи слова *по-российски* возможность возникновения не только положительно-оценочной, но и отрицательно-оценочной инференции, общая модель которой выглядит примерно следующим образом: ‘по-российски X’ → ‘плохо, что X’ (= ‘не должно быть так, чтобы X; неправильно, что X, с точки зрения говорящего’).

Так же, как и в разделе 3.2, негативно-оценочные контексты употребления слова *по-российски* подразделяются на два семантических класса.

Первый семантический класс связан с выражением негативной оценки каких-либо сторон страны, государства. Это может касаться отрицательного отношения:

– к разного рода нарушениям закона: (35) *Иными словами, британцы чисто по-российски решили пренебречь соглашением (т. е. обойти закон), надеясь на неформальную «крышу»* (Ведомости, 2011.09.02); (36) *И тут есть опасность решения проблемы чисто по-росийски, с коррупционным подходом* (Комсомольская правда, 05.10.2011); (37) *Бывает на железных дорогах и воровство по-росийски бесхитростное* (Аргументы и факты, 1998.08.12); (38) *Ворующие по закону. Отличительная особенность коррупции по-росийски — ее легитимность* (Известия, 10.11.2003);

– к несоблюдению норм законности: (39) *А закончилась эта трагикомическая история сугубо по-росийски: виноватых в мытарствах гражданина Котова, как всегда, не нашлось* (Труд-7, 16.01.2007);

– или норм делового оборота: (40) *Это такой конфликт интересов по-росийски: аналитики с Уолл-стрит во время интернет-бума симпатизировали «дружественным» компаниям, а наши аналитики вынуждены симпатизировать «дружественным» политикам* (Ведомости, 2005.07.25).

Посредством ценностного маркера по-росийски могут негативно оцениваться отклонения от нормы:

– в политической деятельности: (41) *Демократия по-росийски: компромат, грубость, фальшь, передерги, самореклама* (Труд-7, 02.08.2001); (42) *Народ же не отличает Ильюшенко от Илюшина, для народа есть понятие «власть», и власть в очередной раз проявила себя очень по-росийски, то есть глупо* (Аргументы и факты, 1995.11.01);

– в сфере экономики и финансов: (43) *По опыту Запада это занятие сулило сверхприбыли. Но все получилось по-нашему, по-росийски. Организации никто не контролировал, началось нецелевое использование выигрышного фонда, то есть деньги бросали вовсе не на решение тех задач, что были заявлены в уставах* (Независимая газета, 07.08.1996); (44) *Экономия по-росийски основана на принципе «здесь и сейчас», об окупаемости технологии в долгосрочной перспективе думать как-то не принято* (РБК Дейли, 15.05.2013);

– в области социальной жизни: (45) *Еще одна особенность бедности по-росийски — резкое расслоение населения по уровню доходов на сверхбогатых и практически нищих* (РБК Daily, 26.04.2006); (46) *А главное, что все сильнее угнетала жизнь «чисто по-росийски»* (Аргументы и факты, 2003.05.29);

– в области семейного права: (47) *Семья депутата Неверова на личном опыте знает, что такое усыновление по-росийски. Восемь лет назад Неверовы взяли на воспитание маленького Глеба, но прежде поразились — весь процесс пронизан бюрократией до такой степени, что о ключевом понятии — тайне усыновления — можно было забыть сразу* (Vesti.ru, 02.03.2013);

– в сфере бытовых услуг: (48) *Сервис по-российски то и дело встает костью поперек горла и покупателям и продавцам «пластиковых денег»* (Аргументы и факты, 2003.05.28).

Также отрицательно оценивается посредством ценностного маркера *по-российски*:

– непрофессионализм в разных сферах социальной жизни и профессиональной деятельности: (49) *В итоге людей и бесплатно проезда в транспорте лишили, и денег не дали. В общем, реформа по-российски. Сначала делаем, а потом думаем* (Комсомольская правда, 11.01.2005); (50) *Аккредитаций гости и журналисты ждали по несколько часов — пример «компьютеризации по-российски»* (Аргументы и факты, 1995.08.02);

– имитация деятельности или злоупотребления при ее осуществлении: (51) *Президент Института стратегических оценок Александр Коновалов заметил, что ситуация с участием «Тополей-М» в параде «очень российская»: // — Это так по-российски — два месяца разбирать комплекс, два месяца красить, а потом два месяца собирать обратно* (Известия, 29.02.2012); (52) *Мечтает превратить город в рай для отдыхающих, но по-российски, особо не напрягаясь...* (Комсомольская правда, 24.04.2001); (53) *И в итоге, модернизация по-российски ограничивается строительством новых инновационных центров и переименованием государственных структур. То есть чиновники берут из послания только те приоритеты, которые выгодны им самим и на которых можно «нажиться»* (Коммерсант, 24.11.2010).

Второй семантический класс контекстов употребления связан с воплощением негативных автостереотипов по отношению к разным сторонам русской жизни, русской ментальности, национального характера и поведенческих установок русских.

Это, например, пессимистичное отношение к жизни, отсутствие надежд на изменение к лучшему: (54) *Альтернатива по-российски неизменно означает выбор между плохим и очень плохим* (Коммерсант, 24.12.2001).

Это несоответствие слова и дела, декларируемого и реального положения вещей, «двоемыслие»: (55) *Впрочем, это по-нашему, по-российски, совсем как в старом скабрёжном анекдоте: на сарае сами знаете какое слово написано, а лежат дрова* (Новая газета, 26.08.2016).

Это отражение такой поведенческой установки, как боязнь высказать собственное мнение, «как бы чего не вышло»: (56) *Вполне возможно, что и такой поворот можно объяснить по-российски традиционно: язык на всякий случай лучше держать за зубами* (Труд-7, 01.11.2000).

Это проявление такой обсуждаемой многими исследователями жизненной позиции, как «действовать на авось» (Булыгина, Шмелев 1997): (57) *Ситу-*

ация развивается чисто по-российски: куда кривая вывезет (Труд-7, 05.11.2003).

Это, наконец, воплощение такого общеизвестного стереотипа, как неуважение к ценности человеческой жизни: (58) *Мы как не ценили жизнь раньше, так и не ценим сейчас. «Жизнь — копейка», это очень по-российски* (Труд-7, 31.12.2002).

В некоторых примерах отражено негативно-оценочное восприятие бытовых привычек русских людей — образа питания, личной гигиены и пр.: (59) *Но даже если мыться «по-российски», то есть один раз в неделю, из семейного бюджета все равно придется вынуть немалые деньги — 960 руб.* (Аргументы и факты, 2000.06.07); (60) *К сожалению, рацион по-российски — это когда много хлеба, сахара и жира* (Труд-7, 26.12.2003); (61) *И употребляют его зачастую тоже чисто по-российски: если через две минуты таблетка не подействовала, отправляют следом вторую, потом третью и так далее* (Аргументы и факты, 2001.07.12).

Широко и разнообразно в обследованном материале представлены контексты, в которых негативно оценивается стереотипный «национальный русский порок» — пьянство: (62) *Забастовка по-итальянски: все сидят на рабочих местах и выполняют все должностные инструкции; забастовка по-французски: все уходят с работы, жгут машины и трясут плакатами; забастовка по-российски: все сидят на работе, пьют водку и жалуются на жизнь* (Труд-7, 24.11.2010); (63) *Таким образом, если раньше весь мир (кроме стран СНГ, Польши и Скандинавии) потреблял водку преимущественно в составе коктейлей, то теперь ее начинают пить по-российски вместо традиционных для Запада дистиллятов — виски, рома, коньяка и т.д.* (Коммерсант, 21.03.2011); (64) *Но депутаты озабочены иным: они не желают видеть даже приукрашенной телевизором, а потому всего лишь полуреальной картины пьянства по-российски* (Труд-7, 03.12.2002).

По аналогии с материалом в разделе 3.2, имеется ряд примеров, когда посредством слова *по-российски* маркируются не только положительно оцениваемые, но и отрицательно оцениваемые стереотипные представления о свойствах, характеристиках русского человека с позиции самих русских.

Это, например, нежелание и неумение добросовестно трудиться: (65) *В российской премьер-лиге Андрею не хватало мотивации, он, как говорится, перерос чемпионат. Тут же при такой аудитории, на таком празднике футбола за мотивацию можно не беспокоиться. Хотя по привычке и тут некоторые матчи проводит по-российски — с прохладцей...* (Советский спорт, 20.04.2010).

Это нерадивость в работе и учебе: (66) *Это, по-видимому, в оправдание для своих. Как это по-нашему — по-российски! «Я учил, но забыл»* (Комсомольская правда, 25.11.2006).

Особый интерес в этом плане представляют употребления по логической модели «от противного», когда посредством отрицательной конструкции *не по-российски* маркируются:

– некоторые по умолчанию положительные психологические или профессиональные качества личности: (67) *Титулованный, опытный, не по-российски раскованный и открытый к общению* — казалось, лучшие кандидатуры не найти (РБК Дейли, 12.03.2013); (68) *Действительно, персоналом можно гордиться — все, начиная от горничных, беллбоев, водителей и сотрудников служб проката внизу, заканчивая инструкторами и операторами канатных дорог наверху, вышколены не по-российски* (Коммерсант, 30.03.2010);

– или положительные характеристики какой-либо профессиональной деятельности в целом: (69) *За шесть недель мне стало нравиться безусловно все — и новый офис у черта на рогах, хоть и в природоохранной зоне, и бешеный ритм жизни и работы коллег, и не по-российски адекватный и открытый менеджмент, и все отношения внутри — как все фанатеют от компании, как относятся и к клиентам, и к коллегам* (Коммерсант, 01.09.2010); (70) *По крайней мере, выглядит всё совсем не по-российски. Люди в белом помещении, в белых халатах собирают для белых самолетов двигатели — «зеленые»! То есть — экологичные* (Vesti.ru, 13.03.2010).

Такие модели «от противного» имплицитно представляют о том, что быть раскованными и открытыми к общению не свойственно русским людям, что работники в России не бывают вышколенными, что чистота и экологичность рабочих мест, а также адекватный и открытый менеджмент не присущи российским организациям.

Нетрудно видеть, что здесь мы опять имеем дело с манипулятивной стратегией *de re*, посредством которой авторы медиатекста, прибегая к модели неправомерного обобщения, могут давать оценки, не обязательно разделяемые по умолчанию всеми членами языкового коллектива.

4. Заключение

В целом проанализированный материал продемонстрировал значительные возможности наречия *по-российски* служить маркером положительной и отрицательной оценочности, имплицитно маркируемой контекстным окружением. Тем самым мы можем получить важные сведения о том, какие именно типичные ценностные приоритеты и поведенческие установки носителей русского языка

в области концептуализации представлений о России и о русских объективированы в их речевых практиках, а также какие именно автостереотипы России и русских наиболее регулярно воспроизводятся в дискурсе. Кроме того, проведенное исследование позволяет поставить вопрос о манипулятивном потенциале суждений о России и русских, используемом авторами медиатекстов для внедрения в сознание аудитории необщепринятых оценок, которые по умолчанию могут и не разделяться всеми носителями языка.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. [Arutyunova, Nina D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* (Language and the Human World). Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury». (In Russian)].
- Березович Е. Л. Деривационная семантика русского в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 5–32. [Berezovich, Elena L. (2011) *Derivatsionnaya semantika russkogo v russkikh narodnykh govorakh* (Derivational Semantics of Russian in Russian Folk Dialects). *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (22), 5–32. (In Russian)].
- Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. [Berezovich, Elena L. (2014) *Russkaya leksika na obshchslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* (Russian Vocabulary on a Common Slavic Background: Semantic-motivational Reconstruction). Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. [Boldyrev, Nikolay N. (2014). *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku* (Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics). Tambov: Derzhavin TSU. (In Russian)].
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. [Bulygina, Tatyana V., & Shmelev, Alexey D. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* (Language Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian)].
- Глебова Н. Г. Коннотативно-оценочный потенциал слов-репрезентантов концепта РУССКОСТЬ в современном русском языке // Научный диалог. 2017. № 11. С. 25–37. [Glebova, Nadezhda G. (2017) *Konnotativno-otsenochnyy potentsial slov-reprezentantov kontsepta RUSSKOST' v sovremennom russkom yazyke* (Connotative and Evaluative Potential of Words Representing the Concept RUSSIANITY in the Modern Russian Language). *Scientific Dialogue*, 11, 25–37. (In Russian)]. DOI 10.24224/2227-1295-2017-11-25-37.
- Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 35–49. [Karasik, Vladimir I. (2019) *Normy povedeniya v yazykovoy kartine mira* (Norms of Behaviour in Linguistic Worldview). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 35–49. (In Russian)]. DOI 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49.

- Ковшова М. Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 745–756. [Kovshova, Maria L. (2023) Rol' lingvokul'turologii na sovremennom etape: osnovnyye printsipy i metod issledovaniya (The Role of Linguocultural Studies in Modern Times: Basic Principles and Method of Research). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, Vol. 14, 3, 745–756. (In Russian)]. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756.
- Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. [Kolesov, Vladimir V. (2006) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* (Russian Mentality in Language and Text). Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. (In Russian)].
- Костина Е. А., Егорычев А. М., Ригер А. Русские: характер, ментальность, стереотипы поведения // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (16). С. 116–128. [Kostina, Ekaterina A., Egorychev, Alexander M., & Riger, Angelika (2013) Russkiye: kharakter, mental'nost', stereotipy povedeniya (Russians: Character, Mentality, Behavioral Stereotypes). *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 6 (16), 116–128. (In Russian)].
- Макшанцева Н. В. Концепт «любовь» в русском языке // Вестник Университета Российской академии образования. 2008. № 1. С. 112–116. [Makshantseva, Natalia V. (2008) Kontsept «lyubov'» v russkom yazyke (The Russian Language and the Concept “Love”). *Herald of the University of Russian Academy of Education*, 1, 112–116. (In Russian)].
- Макшанцева Н. В. Оценочный потенциал слова в русской речи по данным контекстуального анализа (на примере прилагательного отечественный) // Язык и культура. 2023. № 62. С. 54–72. [Makshantseva, Natalia V. (2023) Otsenochnyy potentsial slova v russkoy rechi po dannym kontekstual'nogo analiza (na primere prilagatel'nogo otechestvennyy) (Evaluative Potential of a Word in Russian Speech According to Contextual Analysis (Using the Example of the Adjective Domestic)). *Language and Culture*, 62, 54–72. (In Russian)]. DOI 10.17223/19996195/62/3.
- Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. [Radbil', Timur B. (2020) «Samoizolyatsiya» kak noveyshiy russkiy kul'turnyy kontsept: kognitivno-diskursivnyy aspekt (“Self-Isolation” as the Newest Russian Cultural Concept: Cognitive-Discursive Aspect). *Communication Studies*, 7 (4), 759–774. (In Russian)]. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
- Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография / Под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. [Ratsiburskaya, Larisa V. (ed.) (2021) *Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty*: Kollektivnaya monografiya (Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive and Pragmatic Aspects: Collective Monograph). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Сергеева А. В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, 2023. [Sergeeva, Alla V. (2023) *Russkiye. Stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* (Russians. Stereotypes of Behavior, Traditions, Mentality). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. [Stepanov, Yury S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* (Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian)].

- Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37. (Chernyavskaya, Valeriya Ye. (2018) Diskursivnyy analiz i korpusnyye metody: neobkhodimoye dokazatel'noye zveno? Obyasnitel'nyye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov (Discourse Analysis and Corpus Methods: a Necessary Evidentiary Link? Explanatory Possibilities of Qualitative and Quantitative Approaches). *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 31–37. (In Russian)].
- Noveck, Ira. (2018) *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK: Cambridge University Press.
- Morphy, Frances, & Morphy, Howard. (2020) Locating 'Mind' (and 'Soul') Cross-Culturally. In Bromhead, Helen, & Zhengdao, Ye. (eds.) *Meaning, Life and Culture. In Conversation with Anna Wierzbicka*. Acton: Australian National University Press, 249–271. DOI: 10.22459/MLC.2020.
- Peeters, Bert. (2019) On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NGU. Series: Linguistics and Intercultural (communication)*, Vol. 17, 4, 6–11. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11.
- Sharifian, Farzad. (2011) *Cultural Conceptualisations and Language*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins. DOI 10.1075/clsc.1.
- Sharifian, Farzad. (2017) Cultural Linguistics. *Ethnolinguistic*, 28, 33–61. DOI 10.17951/et.2016.28.31.

Словари / Dictionaries

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. VIII. 1959. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka, v 17 tomakh (1950–1965). Tom VIII (Dictionary of Modern Russian Literary Language, in 17 volumes (1950–1965). Vol. 8 (1959)). Moscow–Leningrad, Izd-vo AN SSSR. (In Russian)].*
- СЕ — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. II. [Efremova, Tatyana F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyy, v 2 tomakh. Tom II (New Dictionary of the Russian Language: Explanatory and Word-Formation, in 2 volumes, Vol. 2). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].*

Источники языкового материала / Language material resources

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.03.2024). [*Russian National Corpus. (2024, March 12). Retrieved from: http://www.ruscorpora.ru (In Russian)].*